

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОЛДУНАХ В НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ

В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

В настоящее время в среде исследователей народной культуры термином «колдун» обозначают весьма широкий спектр понятий. Однако каждый, кто обращается к магико-заклинательным текстам и суеверным рассказам о колдунах, отмечает, что это персонаж с узкой специализацией, а отмеченное нами первым явление связано прежде всего с тем, что в народном сознании люди со сверхъестественными способностями, выбивающимися из общепринятых стандартов, независимо от их функций называются колдунами. При ближайшем рассмотрении легко заметить, что, называя в первый раз кого-нибудь колдуном, при дальнейшем рассказе информатор будет употреблять другие термины: *знахарь, ведун, знающий человек, хитрый человек*, таким образом в народном сознании прежде всего выделяется триада: ведун — знахарь — колдун, каждому элементу которой присущи собственные функции.

Знахари в восточнославянской традиции занимаютс я врачеванием. Они могут быть сильными или слабыми в магическом отношении¹⁰⁶, но отличительным их признаком является апелляция к Богу во время лечения больного и отрицательное отношение к более сильным, с народной точки зрения, приемам «черной магии». Сила или слабость знахаря связана с количеством и качеством болезней, которые он может лечить. Так, если знахарь лечит одну или несколько болезней в современном понимании этого слова, он «слабый», если же, помимо обычных болезней, лечение включает устранение порчи и сглаза, вызвавших недуг, то знахарь «сильный»¹⁰⁷. Надо отметить, что магико-

заклинательные действия в данном случае сведены к минимуму, а основное внимание сосредоточено на фитотерапии (травники), массаже (костоправы), прижиганиях («он огнем лечит»), водных процедурах («он водичкой попойт, в воду погрузит и пройдет») и так далее. Почти каждый знахарь легко лечит такие болезни, как зубная и головная боль, респираторные заболевания, выведение бородавок и некоторые другие¹⁰⁸.

Ведуны — это, с нашей точки зрения, небольшая прослойка людей, которые, помимо обращения к божественным силам, прибегают и к помощи противоположной, демонической стороны. В отличие от знахарей они рассчитывают на собственные способности и обращение к Богу воспринимают не как просьбу, а как требование. В основном сферой их деятельности являются любовные привороты и отвороты.

Народное отношение к этим видам любовной магии двойственно: с одной стороны, обращение к ним носит массовый характер (ср. праздники типа Катеринына дня или дня Андрея Первозванного, когда при обращении к святому с просьбой о женихе использовали любовные привороты); с другой стороны, общераспространенной (в том числе среди самих людей, использующих любовную магию) является уверенность в том, что привороженные друг к другу люди не в состоянии создать нормального семейного быта: «Вот их приворожат, а они живут как кошка с собакой. Ну, живут плохо. Разойдутся, а вон опять не жисть, от тоски сохнут, гложет тоска. И вместе не жисть, и порознь не могут» (Иванова М.И., 1919 г.р., д. Дубровка Московской обл.). Подобная двойственность распространяется и на самих носителей столь опасного искусства: их привлекают и в то же время относятся к ним с осторожностью (что частично сближает их с колдунами и отличает от знахарей, отношение к которым однозначно положительно). В то же время, если привораживать

¹⁰⁶ В данном случае позволим себе не согласиться с В.И. Харитоновой, полагающей, что «восточнославянских знахарей сами хранители традиции и ее исследователи склонны воспринимать как группу наиболее слабых в магическом отношении лиц» (Харитонов В.И. Традиционная магико-медицинская практика и современное целительство: к проблеме воздействия на реципиента // Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство. Статьи и материалы. М., 1995. С. 29).

¹⁰⁷ Отметим, что очень важно увидеть различие между снятием порчи как таковой и лечением болезни, ею вызванной. Болезнь лечится: «Вот она на ее порчу навела и девка заболела, вот болят и болят. Привели ее к знахарю, он посмотрел и говорит: «Это, — мол, — не проста болеснь, а порчена. Лечить будем. Лечил он болеснь эту и порча прошла. Хорошо что болеснь порчей навела, а не что друго. Болеснь вылечишь, а порчу как снять» (Грекова А.С., 1923

г.р., д. Дубровка Московской обл.) Если же порча не вызывает физиологических изменений в организме, что скрывается обычно под фразой типа: «Врачи его смотрели-смотрели, а ничего не нашли, так он и помер. Вишь вот кака порча. Спортили его, чтоб думали, что болят, а это порча» (Фирсова К.Е., 1931 г.р., пос. Тучково Московской обл.), — то знахарь не возьмется за лечение, т.к. это не его сфера деятельности.

¹⁰⁸ Надо отметить, что на другие болезни существует специализация знахарей, поэтому часто можно услышать от них: «Я это не лечу» или «Мне это лечить нельзя».

берется колдун, то проблема нормальной семейной жизни молодых снимается: «Вот привораживают люди. Если вот волховник приворожит, живут как кошка с собакой, лаца каждой день. Ето если только напако-стить хотишь. А вот если колдун приворожит — само ладно быват. Любят друг друга до беспамятства. И ладно живут» (Подколезина Е.А., 1923 г.р., г. Онега Архангельской обл.).

В роли последнего элемента нашей триады выступают колдуны. Именно они воспринимаются как люди, занимающиеся собственно магической деятельностью. Отношение к ним со стороны деревенских жителей — сугубо отрицательное (при этом оно никогда не демонстрируется), хотя признается, что колдуны могут совершать и добрые дела. Необходимо отметить, что в принципе колдун может совершать действия, свойственные и знахарю, и ведуну, что, видимо, и привело к смешению этих понятий.

Помимо смешения понятий ведун — колдун — знахарь, существуют люди, которых называют колдунами, но которые таковыми на самом деле не являются. Это мельники, печники, плотники, пасечники и представители некоторых других профессий. Правильнее сказать, что принадлежность к какой-то определенной профессии еще не указывает на колдовские способности, хотя колдуны могут подвизаться и в этой сфере деятельности.

Часто колдунами называются иноземцы: «Вот тут, у барина у нашего, мне еще папа рассказывал, немец-колдун жил. Людей не портил, а только все знали, что колдун, потому — он немец, а немец, он завсегда колдун» (Трофимов И.Н., 1926 г.р., д. Дубровка Московской обл.).

Иногда колдунами назывались представители власти, причем этот мотив свойственен как быличкам до-революционного периода, так и современным записям: «Вот Нина у нас румяна была. Она по улице идет, а навстречу председатель наш, он на нее посмотрел, чего-то ему не показалось, она домой пришла и слегла. Он ее спортил. А ведь председатель. Колдун он» (Анкуд Г.И., 1928 г.р., д. Шипилово Судогодского р-на Владимирской обл.). Вышеприведенное замечание о том, что представители определенной профессии не являются колдунами, но колдуны могут быть ее представителями, верно и для данного случая.

Мы сталкиваемся с тем, что в народной оценке людей, занимающихся магической практикой, произошло смешение понятий, а колдунами стали называть людей специфических профессий, иноземцев и представителей власти.

В данной статье рассматриваются только «истинные» колдуны. Прежде всего нам необходимо остановиться на особенностях, выделяющих колдуна из общей массы людей, как обладающих магическими знаниями, так и не обладающих ими.

Обычно, говоря о колдуне, выделяют наиболее яркие черты его облика: «Был такой Петька Босьяковский. Его потому так прозвали, что ён только в чулках ходил,

штанов не видать на ём было»¹⁰⁹, «Его звали Оля-дева. Голос-то у его женский был. Так он платок оденя и пел с женщинами. Может и спортить и наладить»¹¹⁰, «Вот у нас колдун был, Петрович, весь всклокоченный, одикий, весь клоками какой-то» (Дедкова К.М., 1935 г.р., г. Онега). Но наиболее традиционный портрет колдуна приводят братья Соколовы: «Это старик за шестьдесят лет, женатый, с *типичной* (выделено мной)¹¹¹ наружностью: седой, с вечно нахмуренным лбом и сердито выглядывающими из-под густых бровей глазами... Ходит все больше босиком, одет в белый холщовый кафтан...»¹¹².

Большинство рассказывающих о колдунах обычно отмечают особенности его взгляда «тяжелый», «чудной», «хитрющий», «бегающий» и так далее. Иногда, можно услышать объяснения этой особенности: «Вот у колдуна глаз бегающий, он в глаза не смотрит, отводит все, потому как в глазах у него нет отражения. Ну, вот я тебе смотрю в глаза, красивы глаза, в них я себя вижу, а вот колдуну посмотрю — нету там ничего, он скрывает это, потому не смотрит» (Рожкова Е.М., 1939 г.р., г. Можайск), «Вот говорят у колдуна тяжелый взгляд, а он просто глаза прячет, чтоб значит никто в них не посмотрел. Моя бабка, она знающа была, говорила, что они отводят глаз, потому как там перевертыши все. Ну, значит все вверх ногами» (Махонина П.А., 1926 г.р., г. Муром). В материалах Тенишевского архива отмечено, что крестьяне Шуйского у. называют глаза колдунов пустыми, «без мальчиков»¹¹³. Этот термин сохранился во Владимирской обл. и сейчас. Рассказывая о колдунах жители Судогодского р-на часто говорят: «У их глаза без парничков», «...в глазах у них мальчиков нет».

Помимо специфического внешнего вида, в описаниях колдуна присутствуют детали, вообще несвойственные человеческой природе: «Вот ён имат две тени, вот у тебе одна, а ён имат две. Расходятся они. Вот от ног расходятся. Одна в одну сторону, а друга — в другую. А у ног сходятся» (Удальцова Ф.С., 1918 г.р., г. Устюг); «У колдунов тени нет, вот как посмотришь, стоишь рядом с ним и смотришь, вот ты стоишь и твоя тень, а он стоит и тени нет. Он колдун значит» (Рожкова Е.М., 1939 г.р., г. Можайск).

¹⁰⁹ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О.А.Черепанова. СПб, 1996. № 297.

¹¹⁰ Там же. № 299.

¹¹¹ Далее внешность этого персонажа приводится братьями Соколовыми как специфический образчик при описании другого колдуна (Соколовы Б.М. и Ю.М.. Белозерская деревня и ее быт // Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. С. XLIV). Т.о., речь идет о внешности, типичной именно для колдунов, а не для населения края в целом. Впрочем, и без того кажется вероятным, что неизменно нахмуренный лоб и взгляд исподлобья — «типичные» приметы человека, подчеркнуто выделяющегося из среды «рядовых», обычных людей (каким и является колдун), а не представителей самой этой среды.

¹¹² Там же. С. XLIII-XLIV.

¹¹³ По материалам архива этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева (далее - ТА), хранящегося в Российском этнографическом музее (РЭМ. Ф.7. Оп.1). Д. 205. С.129

Некоторые исследователи полагают, что народной традиции свойственно приписывать облику колдуна хвост. Однако при анализе всей совокупности имеющихся текстов, легко заметить, что хвост является скорее атрибутом ведьмы-колдуньи¹¹⁴. «Ведьму легко, когда стирает узнать, ёна подол заткнет, а там хвостик. Маленький хвостик» (Завьялова В.И., 1933 г.р., г. Пошехонье Пошехонского р-на Ярославской обл.). Вероятно, эту пикантную деталь колдун позаимствовал именно у ведьмы.

При сравнении облика колдуна с описаниями других мужских персонажей, наделенных магической силой можно заметить определенную закономерность. Если исполнитель говорит о знахаре (даже когда называет его колдуном), то в описании присутствуют уменьшительно-ласкательные суффиксы: «Этот колдун был добренький старичок, он травами лечил» (Буровцева О.М., 1935 г.р., г. Одинцово). Когда же говорят об «истинном» колдуне, то отрицательное отношение становится очевидным: «Он хоть и травами лечил, а все одно колдун. Старый, страшный, глаза злые, смотрит хитро, все глаз водит» (Линева О.С., 1919 г.р., г. Руза).

Помимо облика, отличительной особенностью колдунов является их принадлежность к одному из двух типов: природные (иногда называемые еще самородками) и ученые. Традиционно полагают, что самородки — это те, кто родился с колдовским даром. Однако рождение колдуном случай редчайший, обусловленный исключительными, реально вообще невозможными обстоятельствами. Так, С.В. Максимов приводит такую генеалогию природного колдуна: «Девка родит девку, эта вторая приносит третью, и родившийся от третьей мальчик делается на возрасте колдуном»¹¹⁵.

С нашей точки зрения, соотношение между учеными и природными колдунами связано не с рождением, а с получением знаний. Если человек получает магическую силу (именно силу, а не знания) от другого колдуна — его можно считать самородком, так как, имея силу, он начинает приобретать и знания. Именно поэтому очень часто в семье потомственных колдунов колдует только самый старший, и лишь после его смерти начинает колдовать следующий. К сожалению, в наших материалах нет сведений о том, как передавались знания от мужчины к мужчине, мы можем лишь предположить что передача знаний происходила так же как и у женщин: «Передавала бабушка в разные дни. Перед тем как идти, она сама меня кормила. Потом

что-то она шептала. Потом садились — она молчала... Нельзя было заплетать, даже расчесывать волосы! Они были как с ночи, лохматые... Одной рукой она очень сильно держала меня за руку. И вот она бросала зерно, когда начинало всходить солнце, а второй рукой держала меня и говорила на зерно... Не просто как стихотворение, а нараспев, какая-то мелодия даже была. И потому это легко запоминалось. У меня все это повторялось в голове. Она читала по одному разу, а у меня такое ощущение было, что повторение шло само в голове...»¹¹⁶. А вот былички о передаче силы существуют в большом числе вариантов и, что характерно, рассказывают о передаче силы колдунами, как мужчинам (дед внуку, реже отец сыну), так и женщинам (по преимуществу дед внучке)¹¹⁷. Существует два вида передачи силы: передача в момент смерти колдуна и заранее подготовленная передача. Надо отметить, что заранее подготовливаемую передачу силы колдуны осуществляют как близким родственникам, так и незнакомым людям: «Вот мой дед дяде моему колдовство передал, силу ему передал. Послал его в баню, тот пришел, а там лягуха сидит, огромна. Она как облевнула что, и надо эту блевотину съест. Дядя вот съел и силу от деда принял» (Вагин К.И., 1928 г.р., Кий-остров); «Дед мой ушел наниматься в работники, попросился ночевать у старика, и он его стал спрашивать, накормил и говорит: "Ты молодой, возьми от меня колдовство, будешь барином жить". Дед говорит: "Я боюсь", но потом тот ему все рассказал, как всех травить, чтоб все его боялись, все стихи ему сказал. "Теперь иди, — говорит, — в гумно, влезай в дверь, и будет все хорошо. А не сделаешь, ты меня погубишь". Дед пришел, открыл ворота, а там свинья страшная, пламень изо рта. Страшно ему, и не стал, пошел оттуда. Пришел, а колдун-то стонет, криком кричит, ругается. Дед мой так и ушел»¹¹⁸. Мотив передачи силы во время смерти — один из самых популярных сюжетов быличек. Но необходимо отметить, что мотив передачи силы «природными» колдунами соединяется с мотивом освобождения «ученого» колдуна от чертей-помощников. Колдун-самородок передает силу и, передав ее, умирает; до передачи его мучает сила: «Вот у нас колдун был, он умирал тяжело, его сила из нутря распирала, а ему ее передать надо, силу-то. Вот он ждал, чтоб кто к нему подошел. А все же знают, что он силу передаст и не подходят. А тут Манечка, внучка его, вертится все. Он ей и говорит: "Иди ко мне, Манечка, чего дам". Она и подошла, ручку протянула, а он ей и говорит: "На!", а она ему: "Спасибо!" — не знала, что надо сказать: "Оставь себе", а в ладошке ничего нет, силу-то кто видел? А он помер. Манечка вроде ничего, а как срок

¹¹⁴ Мы не случайно употребили данный термин. В народной традиции, несмотря на смешение этих терминов, различаются ведьма (персонаж низшей демонологии) и колдунья (человек, наделенный магической силой). И хотя действия их изначально были, безусловно, различны, в настоящее время произошло не просто смешение названий, но и смешение функций. Очевидно, что с колдуном соотносится именно колдунья, а не ведьма. Но второй термин более распространен в восточнославянской традиции и поэтому женский персонаж, наделенный магической силой, в данной работе мы будем называть ведьмой.

¹¹⁵ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Т.1 Нечистая сила. М., 1993. С.111.

¹¹⁶ Харитонов В.И. Ведовский дар в наследство // Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство. Статьи и материалы. М., 1995. С. 151-152.

¹¹⁷ Передача силы от женщин имеет другие приоритеты: бабушка передает внучке, мать — дочке, мать — сыну и никогда (по нашему материалу) бабушка — внуку, в то время как дед передает силу внучке даже чаще, чем внуку.

¹¹⁸ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... № 305.

пришел, така колдунья стала, вся в деда» (Дубкова К.Н., 1942 г.р., г. Руза).

Вероятно, за самородка признается колдун, получивший свою *силу* по наследству, а знания — в процессе обучения либо до приобретения силы, либо после. Ученые колдуны знания получают по книгам, а силу — продав душу дьяволу. Получение силы учеными колдунами очень похоже на подготовленную передачу силы колдуном-самородком, но в то же время имеется существенное отличие — получая силу, такой ученый колдун отрекается от Бога: «Он сказал, что сними пояс (ведь пояса носили), крест сними, пояс и заступи все под правую пяту, прокляни отца и мать»¹¹⁹. Кроме того, он приобретает чертей-помощников, через которых собственно и осуществляет колдовство: «Вот дед как рассказывал, что мужик один колдовство перенять решил, в баню с колдуном пошел, а в бане собака. Колдун велел ему в пасть броситься, он бросился и тут у его бесей в помощниках стала, стал он им задачи задавать, людей портить» (Кротов П.Т., 1936 г.р., г. Серпухов). Именно эти помощники и мешают колдуну умереть: «Тут один у нас умирал, никто не берет у него. Они метают его с крыльца, не дают они умереть, сотрудники-то»¹²⁰. Именно этих помощников и должен передать колдун, чтобы умереть.

Природный колдун передает силу, а ученый — помощников. Однако несмотря на различные типы осуществления магических действий (через помощников или самостоятельно), любой колдун обладает целым рядом функций, которые выделяют его из общей массы людей, даже наделенных магической силой.

Прежде всего, необходимо отметить, что колдун может лечить (как знахарь), привораживать (как ведун), уводить молоко или делать пережины (как ведьма) и так далее. Однако, и здесь наблюдается определенная специфика. Так, например, ведьма, уведшая молоко, при разоблачении отдаст его из чувства самосохранения (из страха перед колдуном или из страха смерти): «Вот у нас баба, она у коров молоко уводила. Вот у нашей Пеструхи увила. И не доится корова, а отец он понял это и пошел к Порфиричу, он знающий был. Тот велел к этой бабе пойти и сказать, что он [Порфирич] на нее сердится. Отец пришел и говорит: «Матрена, допустим, или там Катерина, отдай моей корове молоко, а то Порфирич сердится». Она засуетилась, забегала: «Не жалуйся, говорит, — Порфиричу, отдам молоко!»» (Булдакова Е.В., 1922 г.р., д. Дубровка Московской обл.); «У нашей коровы молоко пропало, а у нас в деревне на одну бабу грешили. Отец к ней пришел, взял за грудки, припер к стенке и говорит: «Ах, ты курва, стерва старая, отдай молоко, а то порешу тебя, по стенке размажу». А он скор на расправу был, она струхнула, жить-то охота, и отдала молоко-то» (Шипилова З.К., 1923 г.р., п. Бекасово Московской обл.). Колдун же возвращает молоко корове вовсе не из

страха, а из «уважения» к человеку, догадавшемуся, что причина увода молока в происках колдуна: «Молоко уводят колдуны... И одна догадалась, пришла и говорит: «Отдай мое молоко!» Он идет и фартук задрал, как будто несет в нем что-то. Подошел к ее палисаднику и открыл фартук, высыпал что-то, а там как будто и ничего не было, а корова молока прибавила. Вернул молоко. Рассмеялся и говорит: «Догадалась! Верну молоко!»» (Прошина Е.К., 1946 г.р., п. Галицино Московской обл.).

Когда колдунья делает зажины на поле, она делает это самостоятельно и для себя: «Вот мы рожь жали. А там — заминки. Так, в два кольца толщиной, как на кочерге проехали. А у нас колдунья была... И все говорили, что это она на кочерге проехала, на колоске. И так с кочергой пройдет [показывает круг], и так пройдет [по кругу]. Чтoб значит на ее поле урожай был» (неизвестная, ст. Санаторная Бел.ж-д.). Колдун не получает пользы от зажинов, он делает их тогда, когда ему надо занять своих помощников: «Вот у нас колдун жил, ученый. У его были помощники, окояшки. Вот они его теребят — работу давай! Он их пошлет в поле и велит колосья-то гнуть и кольца вить, а други колосья в эти кольца протаскивать, зажины делать. Они долго култыхаются на поле-то. Поле-то спортят, а колдуну-то прибывтка нет, себе-то ничего не прибавил. Така у него вражья сущность» (Дробышев М.С., 1949 г.р., г. Киров).

Вообще, задания помощникам могут быть самыми разнообразными и зачастую бывают идентичны козням колдуний, но в основном это традиционные для фольклорной прозы трудные задачи нечистой силе, так характерные для сказок определенных типов¹²¹: «Колдун один умирал и черти его мучили, а он им говорит: «Пойдите на пивоварскую горку и принесите ведро песку, и по одной песчинке пересчитайте, сколько там. Вот тогда ко мне». Черти-то долго будут пересчитывать это ведро по одной песчинке» (Шумилина Г.П., 1932 г.р., д. Гонибилово Судогодского р-на Владимирской обл.); «Вон черну тряпку возьмите и выстирайте мне ее добела, но чтоб худая не была» (Проскурина Н.М., 1947 г.р., г. Одинцово Московской обл.); «Он тоже, говорят, нечистой силой владел. И вот надо было, верно, этой нечистой силы как можно больше давать работы, чтобы она все время была занята работой. Дак он, говорят, ей рубил вот эти наши голики, а говорят растюкат, растюкат весь голик, расвищет весь в сторону пораскидат и собирайте, говорит, собирайте, пока не соберете»¹²²; «Во, ну нас в слободе колдун был. Чертяки его замучили — подай работу. А он у жены из мохнатки волос вырвал и говорит: «Прямите». Так они почитай годков десять прямили» (Капеистова М.П., 1923 г.р., Никитская слобода Переславль-Залесского р-

¹¹⁹ Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Сост. В.П. Кузнецов. Петрозаводск, 1997 (далее: Предания и былички...). № 121.

¹²⁰ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... № 343.

¹²¹ См.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979 (далее СУС): СУС-1175 («Выпрямить курчавый женский волос»), СУС-1176 («Поймать прерывистый ветер человека»), СУС-1178 («Зализать «рану» у женщины»), СУС-1180 («Принести воды в решете»).

¹²² Предания и былички... № 124.

на Ярославской обл.). Таким образом, подобные задания наются не с какой-то практической целью, а в значительной степени с целью самосохранения или облегчения смерти: «А если работы не дает, дак самого колдуна-то, как приступы, как трясет, мучает»¹²³; «Не сдал колдовство перед смертью, дак его долго мучило... „Докуль черти пепел этот собирают, дак мне смерть придет“. Дак вот старуха этот пепел весь на ветер разрыла, и потом старик умер»¹²⁴.

Еще одной особенностью колдуна является оборотничество, на которое, помимо него, способны также и ведьмы. Ведьма обладает способностью к универсальному оборотничеству, превращаясь как в живые объекты (кошка, собака, свинья, лошадь), так и в неживые (колеса, иголкой, клубком, мешком, копной сена, бочкой). Колдун же по преимуществу оборачивается в волка или медведя, и значительно реже в птицу или рыбу. С нашей точки зрения, два последних образа заимствованы быличкой из сказки (СУС-325: «Хитрая наука»), где они необходимы колдуну для быстрого перемещения в различных типах пространства: «Но тот себе на уме, ударился о оземь и полетел по поднебесью белым лебедем; а он за ним ясным соколом» (Аф. - 251) и т.п.¹²⁵. В быличках превращение в рыбу или птицу связано скорее с демонстрацией своей силы: «Вот рыбу у нас удят, сети забросят, а рыбы нет, а этот дед придет, постоит, и вроде его нет, а это он шукой обернулся и гонит рыбу в сети, а потом посмотришь, опять стоит человек. Делал, чтоб значит его уважали, да только рыба эта до добра не доводила. Еще сразу ешь, дак нечего, а солишь ли сушишь — гниет. Колдуном рыба пугана, без Божьего прощения» (Кириков И.Ф., 1949 г.р., Кий-остров).

Однако, чаще колдун оборачивается волком или медведем, причем как для того, чтобы загнать дичь, так и для того, чтобы отомстить кому-либо: «Колдун был, через батожок перекинется и бежит в лес волком, загонит дичь в силки и домой, через батожок кинется и опять человек»; «У папы на глазах человек в медведя оборотился. В воды вошел человек, а вылез медведем, в лес ушел и сказал одежды его не сжигать... Пошел в стадо, коров задрал, какие люди ему неприятность сделали»¹²⁶. Зачастую оборачивание колдунов не связано с каким-либо конкретным действием, а совершается для поддержания собственного имиджа: «Раньше медведями ходили да волками бегали здесь... Волком оборачивались, обертывались. И медведем ходили»¹²⁷. Можно предположить, что загонять рыбу в сети или дичь в силки колдун мог и в своем антропоморфном облике, т.к. при анализе текстов быличек выявляется такая функция колдуна, как власть над животными: «Придешь — у него много ос летало... Только придешь к нему, через порог — были осы... — Идите, не тронут.

Кого надо — не тронут, кого надо — тронут осы. А вас не тронут. Значит он знал какие-то слова. И осы не трогали»¹²⁸; «Был такой колдун, даже зверей мог загонять. Сутки, не одны с охотникамы ходил. „Дак у нас, — говорит, — капканы не смотрены, там, может, попалось зверя“. И утром придут, полны капканы лисиц да вот всяких зверей»¹²⁹, «Вот надо сказать, что у нас колдун был, так он слово знал, выйдет в лес, слово скажет и все звери бегут в силки, ходи да вынимай. А иногда волком обернется и сам их загонят, но чаще словом гнал» (Петухов Ф.Н., 1915 г.р., д. Дубровка Московской обл.).

Колдун не только сам оборачивался, но умел оборачивать и других. Чаще всего подобные превращения происходили на свадьбе. Наиболее распространенный сюжет быличек о колдунах представляют тексты о превращении свадебного поезда. Колдун, не приглашенный на свадьбу, оборачивает всю свадебную процессию в медведей или волков: «Овернут молодых волками, и три года бегает по лесу, вся одежда превратится, а вот на спине вырастет волчья шерсть»¹³⁰, «Вот колдун был, его на свадьбу не позвали, он пришел и говорит: „Таки-сяки, бегите волками!“ И весь свадебный поезд, вот тебе точно, прям вот сразу волками стал и в лес ушел. Все прям волками побежали. И нет их. Уж время прошло, а только стали охотники волков убивать — убьют, брюхо вспорют, а там нарядная одежда. Это вот эти обороченные» (Векшина М.П., 1937 г.р., г. Онега).

Однако, помимо превращений в животных, колдуны мешали проведению свадеб и по-другому. Они останавливали свадебный поезд: «Вот, говорят, к венцу приезжают молодые, один колдун подходит и говорит: „Три-девять пудов гороха“. Надо, чтоб в стручке гороха девять горошин было. И вот этот стручок наговоряет: „Три-девять пудов гороха, три-девять пудов жених, три-девять пудов невеста, не взять коням с места“. Положат этот стручок в повозку или сани, где молодые сидят, и кони не могут взехать»¹³¹. Поскольку любая задержка при поездке к венцу сулит несчастье, то остановки свадебного поезда опасались и старались обезопасить себя. Поэтому зачастую на свадьбу приглашали колдуна для защиты молодых. Если в таком случае сталкивались два колдуна, то между ними происходило своего рода соревнование: «Вот молодые к венцу поехали, а Василь Василич чегой-то посмотрел и говорит: „Езжайте“. И вот поехали. Едут и видят — стоит мужик у ворот. Ну стоит и стоит. Обратно едут — опять стоит. Как молодые приехали, Василь Василич вышел и говорит: „Ну что, понял, теперь ступай!“ И тот мужик подхватился и побег, а до этого шагу сделать не мог. Он пришел свадьбу испортить, а Василь Василич понял это и не дал, остановил его и он всю свадьбу простоял» (Кузина А.Т., 1914 г.р., г. Москва). Иногда, чтобы не мешали свадебному поезду колдун очищает

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. № 128.

¹²⁵ Аф. — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. М., 1984.

¹²⁶ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... № 339.

¹²⁷ Там же. № 338.

¹²⁸ Предания и былички... № 118.

¹²⁹ Там же. № 120.

¹³⁰ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... № 329.

¹³¹ Там же. № 329.

дорогу: «Идет три огненных столба впереди (перед свадебным поездом). Вот папа собственными глазами видел, что идет три огненных столба»¹³². У русских роль колдуна как распорядителя свадьбы достаточно типична: «У нас дружкой был Анисим Петрович, он знающий был, колдун» (Алексеев Ф.М., 1917 г.р., д. Дубровка Московской обл.); «А дружкой был Колец (колдун). В Пёлгострове был такой старик Колец Тимоша. Он и у меня был дружкой»¹³³.

В то же время колдуна могли обидеть, и тогда он из защитника превращался в серьезного противника, который не только останавливал свадебный поезд или оборачивал его участников в волков, но и портил молодых и гостей. Порча проявлялась по-разному. Так, поведение поезжан могло становиться неадекватным: «Была семья у нас богатая. Стал сын жениться. Свадебный поезд снарядили, поехали. А ехать мимо речки. Так каждый, как приедет к речке, остановиться, ж... помогут и едут к венцу. А кто с холма это видел, ухаживались. Вот какую насмешку могут сделать»¹³⁴; «Колдуна мужик один обидел, сам не помнит чего не поделил. Вот свадьба-то у его. И вот все гости, как за ворота выходят, так мужики штаны сымат, а бабы подолы побдирают и голу жопень кажут. А те, кто за воротами, смеются-то, а как сами подойдут, так то и делают. Ну, где видано, чтоб гости жопень казали. Это колдун насмешку сделал» (Фролов К.П., 1916 г.р., д. Дубровка Московской обл.).

Над гостями колдун насмехался значительно реже, чем над молодыми. Помимо самой обычной порчи, после которой невеста долго болеет и умирает, существует множество вариантов насмешек над молодыми, которым они подвергаются в первую брачную ночь: «Вот они спать молодых увели, и эти молодые пособачьи лаiali, петухами пели, все предрались»; «Ну и молодых со стола вывели спать... Молоды-то, им что пришло на ум, что начали драться. И до того друг друга прибили. И окучались. Одна под печь зачихалась, а другой на печь зашел»; «Жених да невеста, спать их отправили... Туда пришли проводить их... Жених да невеста уж ходя танцевать»¹³⁵; «Вот молодых в подклеть повели и ушли. А тут все слышат, крик шум. Пришли к ним, а они танцы танцуют и говорят: "Нам Петрович велел, он с нами танцы танцует", а Петрович — это колдун у нас был» (Любавина М.Е., 1914 г.р., с. Большая Брембола Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.).

Часто свадебное застолье становилось местом борьбы между двумя колдунами. Они могут применять свои приемы по отношению к гостям: «И вот свадьба и три колдуна. Левушка был такой колдун, очень замечательный. Вот один колдун говорит:

— Посмотрите в окошко.

Была зима. Посмотрели в окошко — видят озеро и лебеди плавают. А другой значит говорит:

— Сюда смотрите.

Вдруг открывается дверь и приходят медведи. Все повскакали на лавки от них; рычат они все. Прошли они и вышли.

А Левушка хлопнул. Вдруг сразу открываются двери и появляется столько воды. Все значит юбки поднимают, залазят на столы, на стулья от этой воды. Но люди, которые уже спали, так и спали на полу, не сырые, не мокрые, ничего. Теперь вдруг вода эта сразу уходит и пол сухой» (Петровская С.А., 1920 г.р., Никитская слобода, Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.).

Чаше в соревнованиях колдунов присутствующие являются не участниками действия, а зрителями: «И перед ними сидят едят колдуны. Буханка хлеба. Один буханку испортил, буханка почернела как уголь. А второй говорит: "Я вылечу!" Вылечил. Буханка побелела. — "Ну-ко, разрежь!". Разрезали, а в середине черню»; «И заспорили, кто сильнее. Видимо, у них тоже есть это, у кого больше чертей. Дак вот заспорили... Один говорит: "У меня лягут коровы". А другой: "У Гляден". На километр повыше был, ну, на километр подальше был. Осокину коровы прошли, на Глядене легли, не пошли никуда»¹³⁶. Но иногда соревнования колдунов носят достаточно жестокий характер: «Одного колдуна пригласили на свадьбу, а второй был там тоже, верно, знакомый был, дак он был не приглашен на свадьбу. И потом что-то свадьба у них стала расстраиваться, этот, которого не пригласили, он пришел, и этого колдуна убрал совсем из-за стола. Он его убрал и тот невидимый стал. Ну, и уже этот свадьбу повел. Ну и этот второй уже довел свадьбу, а потом говорит:

— Дак, может, мне выпустить его?

И он когда открыл эти дверцы вьюшки... и он оказался там, заперт в это место. И никакого зуба нету... Без зубов это уже не колдун. И этот-то говорит:

— Сплюнь мне на руку.

Тот никак сначала, а потом сплюнул, и зубы все оказались у него на ладони. И потом он обратно опять:

— Ну, вот возьми, — говорит, — свои зубы, а впредь не обижай меня»¹³⁷.

Именно соревнования колдунов друг с другом являются, с нашей точки зрения, основой для приписывания другим персонажам колдовских способностей.

Вот, например, традиционный сюжет о соревновании двух колдунов: «Вот говорят их на свадьбу пригласили, а они между собой поссорились. Один знат много, а другой говорит: "Я больше". Один говорит другому: "Я счас устрою над тобой. На-ка рюмочку, выпей". — "Давай". Тот не трус, не боится. Выпивает. Все зубы до единого выпали. Склал да положил на стол. "Ну, — говорит другой, — теперь ты от меня выпей" Тот рюмку только выпел, как раз его к окну и к потолку ногами подвесило. Подвесило к потолку ногами, вот так лягается и кричит: "Мне тяжело, сними меня, я не могу больше". А тот говорит: "Наперво зубы

¹³² Предания и былички... № 115.

¹³³ Там же. № 113.

¹³⁴ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... № 332.

¹³⁵ Предания и былички... №№ 112, 113, 114.

¹³⁶ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... №№ 327, 328.

¹³⁷ Предания и былички... № 123.

вставь, а потом сниму тебя". — "Наливайте, говорит, рюмку". Рюмку ему наверх подали, наговорил какие-то слова и говорит: "На, пей. Склади зубы в рот и пей". Зубы встали на место. Другой и говорит: "Счас я тебя тоже сниму". Тоже рюмку подали, и он очутился за столом»¹³⁸.

Популярен в русской среде сюжет, где один из соревнующихся назван солдатом: «Один солдат вернулся домой с войны, с фронта пришел. У них в селе свадьба. Он туда пошел, да не глянулся их колдуну. Тот говорит: "Прогоните солдата, не надо его". А солдат говорит: "Чего ты меня гонишь, я тебе плохого что сделал?" Ну, колдун дал ему рюмочку, солдат выпил, а все глядят на него, а он ничего. После солдат дал рюмочку — и колдун все зубы выплюнул свои» (Коломейцев С.И., 1923 г.р., г. Москва). В книге С.В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» имеется текст о соревновании колдуна и солдата, однако там действия солдата приводят не просто к победе последнего, а и к осмеянию колдуна: «Начало Савку прихватывать, стал он с почетного места проталкиваться. До середины избы не доскочил, как все повалились со смеха»¹³⁹. Однако, мы имеем дело с разными по жанровой принадлежности текстами. Пример из нашего собрания — быличка, и солдат это такой же колдун как и его соперник, они соревнуются между собой. В книге Максимова приведен сюжет, близкий к новеллистическим сказкам о хитром солдате. Здесь солдат — именно солдат, а не колдун, он добивается победы не магической силой, а хитростью, подсыпав колдуну слабительный порошок. Появление солдата в быличках о соревновании колдунов связано с тем, что для замкнутой сельской общины любой человек, не занимающийся обыденной крестьянской работой (кузнецы, плотники, печники, мельники), или пришлый (солдат), опасны точно так же, как колдун. Соответственно колдуна можно назвать солдатом, пастуха или кузнеца колдуном, особенно если их действия укладываются в традиционный сюжетный тип былички о соревновании между колдунами.

Существует целый ряд текстов, где колдуном называют плотника или печника, которые совершают некое действие, рассматриваемое как магическое. Обычно это месть хозяевам за жадность: «Вот плотники работали тут и хозяин их как-то обидел, угощение не выставил, али что. Они осерчали и кикимору подсадили. Она кричит, пышит. Все бояться, это под матицей свина щетина положена была и от ветра пищала. Когда плотников умилоствовали, они пришли, да щетину вынули. А то все говорили колдуны. А может и правда черти в доме были» (Капеистова М.П., 1923 г.р., Никитская слобода Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.); «Вот печь клали. А баба жадна, все их попреками изводила. Они ей нечисту силу подсадили. Как затопит печь, так все шумит, свистит. А испугалась. Деньги взяла и к ним. Простите мол, выведите нечистиков. Они деньги взяли, в трубу слазили и не-

чистиков вывели. А только эти нечистики — гусино перо. Перо-то обмажешь, а стебелек свободен в трубе торчит — и вот шумит. А все говорят — колдуны» (Кротова П.А., 1932 г.р., д. Дубровка Московской обл.). Действия мастеровых — это шутки над хозяевами, устранимые чисто физическим путем — переделкой печи, разбором стены или крыши. В текстах такого плана подчеркивается, как именно совершается «колдовство». Даже если исполнители не описывают, как именно совершенно «чудо», действия мастеровых рассматривается как злая шутка, которую они сами и устраняют: «Вот мужик плотников, что избу ставили, обидел, попрекнул-то их. Они ему кикимору подсадили-то. Она всю ночь ревмя ревет, пышит и трешит — житья нет. Он к им. Они кикимору и вывели, разобрали пол и вывели. Так подшутили» (Рябов В.П., 1920 г.р., п. Бекасово Московской обл.). Даже если плотник или печник, и значительно чаще мельник и пастух общаются с нечистой силой, обращаясь к ней за помощью, у них существует жесткая специализация не только в обращении к демоническому персонажу: плотники и печники — к кикиморе и домовому (реже к русалке и нечистикам), мельник — к водяному, пастух — к лешему, — но и в просьбах: плотники и печники просят наказать хозяев, мельник — поставить мельницу и заставить ее активно работать, пастух — защитить скотину. Колдун же в своих просьбах универсален, как и персонаж (черт), к которому он обращается.

Когда нерадивым хозяевам мстит колдун, совершенные им действия неизвестны, а результат может устранить только другой колдун (реже сам содейвший, но по приказу другого)¹⁴⁰: «Я вот петь шибко люблю, а в молодости у меня голос хороший был. И вот к нам пришел Трифон Филиппыч, он знающий был, колдун. И просит меня спеть, а мне чегой-то недосуг, ну чего петь-то просто. И я отказала. Он еще просит, а я уже грубо так говорю. Он третий раз попросил и свекор мой просит, а я вот уперлась. Они переглянулись и Филиппыч говорит: "Ну и не пой!" А мне вроде как стыдно стало и я вроде как хочу сказать, что сейчас спою, а голоса нет, не то что спеть, сказать не могу. Перепугалась-то. А свекор, он тоже знал много и говорит: "Эх ты, бестолкова баба. Хорошо, Трифон отходчив, вставай на колени, проси прощенья, я бы не простил, а он можа простит". Я встала и откуда голос взялся, прощенья прошу, а сама плачу. Филиппыч простил, а после я уж никогда петь не отказывалась» (Данилова М.С., 1914 г.р., с. Ям Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.). Аналогичный текст приведен В.И. Харитоновой; он дополнен состязанием колдунов, предшествующим возвращению голоса: «...Вася встал в двери, уперся руками в косяки и стоит, его не пускает. А тот перед ним также стал. И вот они стоят, смотрят друг на друга.. Ну, тот дядька-то не выдержал. Отвел глаза и пошел. Вася за ним. Не знаю уж, что они там во дворе делали, только Вася за мной пришел, вывел меня во двор, а тот там на завалинке сидит. Вася-то говорит, чтоб я перед тем встала на колени и прощенья

¹³⁸ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... № 329.

¹³⁹ С.В. Максимов. Указ.соч. С.125.

¹⁴⁰ Обычно такому приказу предшествует состязание колдунов

просила. <...> Хочу так что-то сказать — не получается, а прощения просить — голос идет. Ну, я попросила у него прощения. Он мне и говорит: “Вставай, молодка, да не хорохорься больше!” Встал и пошел. И со мной все нормально стало. Только плакала я потом очень»¹⁴¹.

Перенос названия одного персонажа (колдуна) на других (мельника, печника, плотника и т.д.) происходит на основе общности причины, побудившей их к действию. И в том, и в другом случае причиной является месть за непочтительное отношение и нарушение общепринятых норм: работников надо кормить, гостям не принято отказывать в их просьбах. Но если действия мастеров в той или иной степени объясняются рационально, то действия колдуна вызывают суеверный ужас. Хотя шутка ремесленников также рассчитана на подобный эффект.

Значительно сложнее объяснить, почему в некоторых быличках колдунами называют разбойников. С одной стороны, они совершают действия, которые безусловно следует рассматривать как магию, но с другой, эти действия не встречаются в быличках о колдунах, т.к. не связаны со сферой активности колдуна, ограниченной замкнутой сельской общиной. Разумеется, хотя разбойник может называться колдуном, колдун как таковой никогда не будет назван разбойником. Наиболее популярно приписывание колдовских способностей Стеньке Разину, но все его колдовство сводится в основном к тому, что он может уплыть на нарисованной лодке (куске войлока) или улететь на кошке-самолетке: «...потом Стенька нашел уголек, нарисовал на стене лодку и весла, и воду — все как есть, да, как известно, был колдун, сел в эту лодку и очутился на Волге»¹⁴²; «Стенька Разин на своей кошке-самолетке перелетал с Дона на Волгу, а с Волги на Дон»¹⁴³. Этими же способностями обладает колдун в сказках (см. СУС-513А: «Шесть чудесных товарищей»): «Колдун вышел на берег, нарисовал на песке лодку и говорит: “Ну, братцы, видите ли вы эту лодку?”... Говорит колдун: “Ну, легкая лодочка, сослужи мне службу как прежде служила”. Вдруг лодка поднялась по воздуху...». Для колдуна, который фигурирует в быличках, подобная функция не свойственна, и если она появляется, то лишь в текстах, тяготеющих к сказочной поэтике.

Иногда разбойнику, как и колдуну, приписывается способность оборачиваться иными существами: «Он живет в виде громадного горного орла... Иногда он бывает в виде старого старика»¹⁴⁴. То, что наиболее сильно сближает разбойников и колдунов, это умение отводить глаза. Так в Соликамском р-не Пермской обл. был записан текст о том, как колдун создал «мужиков на подчике (лесосеке)»: «А Филипп-от сделал над дру-

гим опеть. Он [тот, на кого наводили морок] курил. Я пришел, говорит, все мужики сидят, курят, смеются. Я прикурить прошу у них, а они мне не дают. Ходил, ходил, грит, потом, ночь проходил, обратно вернулся в Рублеву, все. А назад пошел, он [колдун] его убрал все: никаких мужиков и никакой подчики, и никаких пеньев нет»¹⁴⁵. Д.Н. Садовников записал в г. Симбирске следующий текст о Степане Разине: «Стенька начальству сам дался... После положили и зачали пытаться: и иголки кололи, и кошками били — ничего не берет... Вот и выискался один знающий человек и говорит: “...Ведь вы не Стеньку бьете, не он у вас в кандалах, а чурбан! Он вам глаза отвел да хохочет”»¹⁴⁶. Таким образом, легко заметить, что колдун наводит морок, не преследуя своей корыстной цели, и не использует этот прием в целях сохранения своей жизни.

Если жизни или имуществу колдуна угрожает опасность, то он использует другой прием — люди не могут пошевелиться: «Приехала милиция его забирать, а встать с лавки не может. Сели в машину, а машина ни с места»; «Бывало, мальчишки начнут из сети рыбу вытаскивать и к его подберутся. Дед Василий скажет: “Ничего, моя рыбка никуда не уйдет!”». Мальчишки и с места сойти не могут»¹⁴⁷. Разбойник отводит глаза преследователям, что свойственно скорее представителям низшей демонологии: «Вот баба робеночка у леса положила, а сама-то поле жнет. Леший робенка-то и подменил. Баба думает робенок, а это чурбан березов. Она его качает в люльке. Потом уж знающие люди сказали, что леший ей глаза отвел. Тут она увидела, что не робенок, а чурбан» (Панфилова Л.М., 1929 г.р., с. Ям Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.); «Вот князь приехал, а ему навстречу монашек и показывают ему похоронну процессию, мол это Никиту столбника хоронят. А это не монашек был, а черт, он глаза князю отвел, того морок взял» (Егунова К.В., 1926 г.р., с. Большая Брембола Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.).

Среди действий, приписываемых колдуну, существует одно, стоящее несколько обособленно — способность повелевать погодой. На русском материале эта функция не проявляется ярко. Мы можем лишь говорить о том, что колдунам приписывается способность защищать поля от дождя и града, цветущие сады от заморозков, предотвращать засуху и т.д. Развернутых текстов в нашем собрании не много, и показательными являются следующие сюжеты: «Вот у нас-то заморозок часто, а яблоки-то цветут. Вот все храним как можем. Кто чем. А был у нас старик. Колдун он. Вот выйдет вечером, пошепчет чего и не одну яблоньку не тронет. Вот не тронет, и все. В округе все померзло, а у нас — все белое стоит. Он заморозки отводил» (Проклова В.Н., 1917 г.р., д. Дубровка Московской обл.); «Вот дождь соберется, да не простой, град с куриное яйцо —

¹⁴¹ Харитонов В.И. Черная и белая магия славян. М., 1990. С.41.

¹⁴² Прозаические жанры русского фольклора. Сказки, предания, легенды, былички, сказы, устные рассказы / Сост. В.Н. Морохин. М., 1977. № 27.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. № 30.

¹⁴⁵ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... № 312.

¹⁴⁶ Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. СПб, 1884. С.347.

¹⁴⁷ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... № 311, 325.

ну все, хлеб побило. А Левушка-то выйдет на поля и чего скажет, и вот у всех побиты поля, а наши — стоят. А что он делал там, кто знает» (Петровская С.А., 1920 г.р., Никитская слобода Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.); «Вот дождей не было. И молебн служили, и чего, а он [колдун] вышел ночью и пошел за поле, к лесу пошел, к соседней деревне. Пошел, пришел весь больной, спать лег и говорит: “Дождь будет!” И что думаешь — пошел дождь, все как надо. У нас дождь, а у соседей ведро. Нету и все, а то у них дождь, а у нас нету. А как сходил, так у нас» (Крупенина Вера Кузьминична, 1949 г.р., г. Тучково Московской обл.).

Однако то, что для восточнославянской традиции сохранилось в несколько рудиментарном виде, у южных славян и на Карпатах представлено весьма ярко. Функция колдуна-«облакопрогонника» подробно описана¹⁴⁸. По имеющимся в нашем распоряжении материалам мы не можем с уверенностью утверждать, что предотвращение грозы является одной из функций колдуна. У русских способность влиять на погоду рассматривается как одно из качеств колдуна, подтверждающее его магическую силу.

Традиционно колдуну приписывается насыщение икоты (нервного истерического заболевания, выражающегося в судорожных припадках, во время которых больные кричат). Обычно насыщение икоты рассматривается как одна из форм мести: «Один мужик икоту спустил. Женщина вином торговала, а ему не дала, и он зло поимел и икоту спустил. “А будешь ковшом пить и рада не будешь”, — сказал. И с тех пор, пока она вина не выпьет, ничего делать не станет»; «Мой дядя не сшил Андрею Антоновичу сапоги, и Андрей посадил жене его икоту... А как он умирал, говорят, он никак не мог в больнице умереть, умер в пошевнях (санях)»¹⁴⁹. Икоту насылали как мужчины (икотники), так и женщины (икотницы). Однако по вариантам преобладают мужчины. В то же время лишь некоторые из них, обладают еще какими-нибудь магическими способностями. Тем не менее среди людей, называемых колдунами, способность насыщать икоту рассматривается как одна из их функций: «Вот у нас дядька колдун был, ей Богу. Вот он и свадьбу портил, и поезд свадебный останавливал и икоту напускал» (Коренева Н.В., 1956 г.р., г. Москва). С нашей точки зрения, икотник — это самостоятельная фигура, близкая, но не идентичная колдуну. Это один из видов магической специализации, которой колдуны владеют как и всеми остальными.

Наконец, в традиции колдунам приписывается способность ясновидения, которая чаще всего проявляется при поиски скотины (реже людей). «Вот у нас корова пропала. Искали-искали — нет. Пришли к колдуну. Он посмотрел в воду, пошептал и говорит: “Коровы ваши в низинке стоят, вижу их, стоят”. Пришли, и правда стоят» (Щевелев С.А., 1918 г.р., с. Большая Брембола

Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.). Колдун может не только сам увидеть пропажу, но и показать ее окружающим: «В Карпогоры сын поехал, я говорю, там люди знатки, не испортили бы. А он потерялся. Дядя говорит, хочешь скажу, где сын-то. В таз воды налил, а там река течет и в кустах труп-тело лежит»¹⁵⁰. Ясновиденье используется колдунами и для снятия порчи. В отличие от знахарок, снимающих порчу, колдуны не только видят вредителя, но и могут назвать, показать или устроить с ним встречу: «Сделал он воды, говорит: “Гляди в воду, узнаешь, Валя?” — “Да, знаю, это она”. — Он и спрашивает: “Хочешь ей что-нибудь сделать? Сделай”. А Валя было уж пожалела ее, не хотела ей зла, а гадал [колдун] говорит: “Торни ее в глаз”. Валя торнула. Приехала домой, а у той с глазу течет»¹⁵¹; «...И тот [колдун] согласился. “Ладно, — говорит, — я попытаюсь найти того, кто испортил вашу молодуху” <...> И она так и сделала. Пошла, и ей попался старичок навстречу <...> И он с ей поздоровался <...> А она взяла да обошла его. Руки не подала и обошла и не поздоровалась. И потом отошла немного, поворотилась назад, а старика трясет на дороге <...> “Вот, говорит, этот тебя мужчина испортил”»¹⁵². Знахарки же лишь снимают урок, в крайнем случае сообщая пол того, кто это сделал. Среди них считается большим грехом называть урочника: «Не, я тебе его не назову. Это грех. Вот урок сняла, а кто навел, не твое дело. Ни за что они не скажут — кто навел» (Маркова Е.С., 1921 г.р., д. Карпово Судогодского р-на Владимирской обл.).

Таким образом, в русской традиции из всех персонажей, наделенных магическим знанием, только только колдуну присуще колдовство на свадьбе, морок, власть над животными, связанное с последней оборотничеством в волка и медведя, ясновидение с называнием и показыванием и, вероятно, власть над погодными явлениями. Остальные функции он делит с другими персонажами, однако в его исполнении и они имеют отличительные особенности.

Помимо названных функций колдун обладает еще и специфическими чертами, которые также выделяют его из общей массы. Эти черты проявляются при определении колдуна и при его смерти. Смерть колдуна рассматривалась нами в самом начале, когда мы говорили о передаче колдовства. Рассмотрим подробнее способы определения колдуна.

При определении колдуна приоритет отдается «частным» проверкам, в то время как ведьму обнаруживают публично. Узнать, кто в селе ведьма, можно преимущественно во время больших праздников или в другие сакральные периоды¹⁵³. Так, на Пасху можно было посмотреть на женщину, подозреваемую в колдовстве через пасхальную свечу или яйцо «она вернутой [перевернутой] видится» (Соколова Л.Ф., 1918 г.р.,

¹⁵⁰ Там же. № 353.

¹⁵¹ Там же. № 288.

¹⁵² Предания и былички... № 125.

¹⁵³ См.: Толстая С.М. Магические способы распознавания ведьмы // *Studia mythologica slavica*. Ljubljana, 1998. Knj.1. S.141-152.

¹⁴⁸ Бушкевич С.П. «Облакопрогонники»: карпато-южнославянские параллели // *ЖС*. 1996. № 4. С. 30-31.

¹⁴⁹ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... № 363, 364.

с. Владычное Пошехонского р-на Ярославской обл.); при возгласе священника «Христос Воскресе!» «ведьмы вертятся задом к иконам» (Грачева Вера Кузьминична, 1921 г.р., д. Карпово Судогодского р-на Владимирской обл.). Для определения ведьмы в течение всех четвергов Великого поста жгут дрова, а в Страстной Четверг «ведьма к тебе беспрерывно придет» (Егунова К.В., 1926 г.р., с. Большая Брембола, Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.). На Святки жители Судогодского р-на Владимирской обл. определяли ведьму так: «Если вот знают, что в деревне есть колдунья, то и знают это, стерегутся. А вот если не знают кто, а вроде портит, то вот что делали. Парни молодые соберутся, тулуп вот возьмут и вывернут его, меховые тулупы мехом наружу. Вот наденут на одного — завяжут, и рукава завяжут, и ворот, чтоб лица не видеть. Содют его в сани и везут по деревне, а сами кричат-стучат, сыр-бор. Вот если женщина какая выйдет, кричать начнет — она ведьма, портит она» (Борисова М.К., 1908 г.р., с. Картмазово, Судогодского р-на Владимирской обл.). Заметим также, что если ведьма оборачивалась в животное, которому человек наносил увечье, то ведьма появлялась на следующий день с ранами, что также являлось свидетельством ее колдовства.

Все эти приемы к колдунам практически не применялись. Колдун определялся в спокойной домашней обстановке, шло как бы соревнование между колдуном и профанным представителем общины. Очень часто колдуна распознавали дети, причем это рассматривалось как некое нарушение правил и родителями не одобрялось: «Этот Левушка очень дружил с моим дедом. И вот все время приходил. А к моей маме приехала подружка и говорит: “Слушай, говорят, Левушка колдун, давай поставим вверх ногами веник, если он действительно колдун, то он не выйдет”. Они, значит, веник зняли и перевернули. Вот Левушка говорит: “Ну, до свидания, Филипп Васильевич, спасибо тебе”. Только дойдет до порога и обратно вернется. Опять посидит, поговорит, как только до порога доходит — воротится... Бабушка и говорит: “Да что же ты, Левушка, не уходишь? Все до свиданье да до свиданье, а сам не уходишь?” “Веничек не так поставлен!” “Ах, веничек!” — дед у нас такой крутой был, они этот веничек потом всю жизнь вспоминали. Нельзя над колдуном смеяться. Дед их выпорол и веник перевернул, и Левушка ушел» (Петровская С.А., 1920 г.р., Никитская слобода, Переславль-Залесского р-на Ярославской обл.); «Вот мы малы еще были и был у нас в деревне колдун, дядя мамин. Пришел он к нам, а мы наслушались разно и ножик в столешницу снизу воткнули. Сидим, смотрим. Он собираться начал. Подойдет к дверям и стоит, повернется, подойдет к столу, присядет, опять пойдет, опять вернется. Папа наш ему и говорит: “Андреич, ты чегой-то вертаешься, будто тебе нож воткнули?” А он засмеялся так и говорит: “Так воткнули, удружили племянки! Над дядькой шутят!” Отец под стол полез, нож вынул, так дядька нас еле от него слободил, так нас хряснул, что в голове гул неделю стоял. Зареклись после шутить» (Тузова М.И., 1915 г.р., г. Пошехонь Пошехонского р-на Ярославской обл.).

Таким образом, колдун является весьма универсальной фигурой. Он может лечить, привораживать и отвораживать, урочить, снимать порчу, находить пропажу, «шутить», защищать свадьбы, отводить молоко и возвращать его, портить и лечить скотину, оборачиваться и превращать людей в животных, насылать морок и т.д. Практически в суеверных рассказах о людях, наделенных магическими способностями, мы можем найти рассказ о любых действиях, приписываемых колдуну. Однако наблюдается следующая закономерность: при всей универсальности колдуна и безусловном признании за ним всей общиной необычайно сильных магических способностей обращаться в частных случаях предпочитают к специалистам, которыми, судя по большинству записей, чаще оказываются женщины. Так, лечат (в том числе и болезни, вызванные порчей) знахарки и знахари, среди которых также наблюдается специализация. Привораживают и отвораживают колдовки, волховки, волхвы, которых зачастую называют колдунами. Способностью оборачиваться обладают колдуньи. Икоту насылают икотники и икотницы. Несколько особняком стоят «облакопрогонники», чьи действия носят более общий характер и направлены на благополучие всей общины. Из всего этого следует, что, помимо всего вышеперечисленного, истинный колдун специфическим для себя образом выступает только на свадьбе, где он оберегает или портит молодых, в соревнованиях с другим колдуном и проявлении власти над животными. Все остальное колдун совершает либо из любви к родственникам (лечение, приворот и т.д.), либо из чувства мести (насылание икоты, морок, порча). В своих же специфических функциях колдун «играет». Все действия колдуна, связанные с шутками над молодыми и гостями свадьбы, с соревнованиями колдунов, с оборачиванием в животных и проявлением власти над ними в значительной степени носят зрелищно-игровой характер. Этим же элементом обладают и магические действия, вызванные местью колдуна. Ведьма портит человека, доводит его до смерти и т.д., колдун же позорит человека, делает его смешным в глазах общины. Колдун любит внешние эффекты: огненные столбы, требующая вина икота, кричащий петухом жених, гости, залезшие на стол, — все это проявления его магии. Совершая какое-либо действие, даже не свойственное ему, например отвод молока у коровы, колдун не ждет выгоды. Ему интересно, поймет ли пострадавший причину своих несчастий, признает ли власть колдуна. Поэтому если колдуна просят ликвидировать нанесенный ущерб, он это делает — человек признал его власть. Не случайно очень часто в таких случаях звучит смех колдуна и фраза: «Что, понял!» или «Догадался!». Соревнования колдунов и вообще можно рассматривать как театрализованное действие, рассчитанное на пристальное внимание публики. Заметим, что действия всех остальных персонажей, наделенных магической силой, имеют тайный характер. Они не рассчитаны на внимание публики. Так, ведьма оборачивается тайно, а колдун совершенно открыто может сделать это и при свидетелях. Именно поэтому часто встречаются тексты, где он просит не трогать

«батожок, через который вертался» (Кукушкина А.И., 1928 г.р., г. Пошехонье Пошехонский р-н Ярославской обл.) не вынимать нож «чтоб обратно вертаться» (Щевелев С.А., 1918 г.р., с. Большая Брембола Переславль-Залесский р-н Ярославской обл.) и так далее. Обернувшийся колдун не боится быть узнанным. Его узнают по внешним приметам — белая полоса на шее, черное ухо и так далее, а ведьму — по нанесенным увечьям. Узнанная ведьма теряет свой статус, узнанный колдун повышает его. Заметим также, что ведьму скорее презирали, чем боялись, т.к. знали способы лишить ее колдовской силы. Колдуна же опасались, хотя и выказывали ему всяческое почтение.

Вероятно, статус колдуна в общине первоначально был чрезвычайно высок, а его функции универсальны. Именно этим можно объяснить сохранившиеся до нашего времени функции распорядителя и охранителя

свадьбы, хозяина над животными и хранителя полей. Именно этим можно объяснить и перенос имени «колдун» на представителей власти. С потерей своей роли в жизни общины колдун приобретал черты трикстера, и в его действиях все больше и больше проявлялся зрелищно-игровой момент, с помощью которого удавалось сохранить свой статус, поддержать имидж. Но именно появление зрелищно-игровой семантики в действиях колдуна привело к тому, что в круг персонажей с этим именем вошли представители некоторых профессий, в действиях которых также преобладает игровая доминанта. И наконец, наличие у колдуна помощников из потустороннего мира привело к тому, что колдунами стали называться представители тех профессий, которые так или иначе были связаны с природными стихиями, а следовательно, и с персонажами низшей мифологии.